

Это последняя большая речь Доктора Боба, как она переписана с аудио-записи, сделанной в Детройте, штат Мичиган, в декабре 1948 года. Она была впервые напечатана в июньском номере журнала Грейпвайн, в 1973 году.

Летом 1948 года Доктор Боб смертельно заболел. В 1950-ом году он сумел собрать остатки сил для того, чтобы ненадолго появиться на Первой Международной Конвенции А.А. в Кливленде, штат Огайо. Там он подчеркнул простоту нашей программы, умоляя: “ Не дайте всему этому затеряться среди фрейдовских комплексов и в вещах, интересующих научные умы, но мало относящихся к подлинной работе А.А.”

Эта же тема явствует в данной его речи.

Несмотря на то, что многие из вас слышали или читали о том, как начиналось А.А., возможно найдутся и те, кто этого не знают. В этой короткой истории есть чему поучиться. Так что, даже рискуя повториться, я бы хотел поведать, что именно произошло в те ранние дни.

Вы помните историю о том, что Билл, испытав духовное пробуждение, уверовал в идею помощи другим алкоголикам. Прошло время, и ему не удалось привлечь ни единого человека. Ни одного. Как мы выражались, никто не мог собраться до кучи. Он трудился неустанно, даже не думая беречь свои силы или время, но ничего не получалось.

Когда он приехал в Акрон по бизнесу, который (пожалуй, на наше счастье) оказался полным провалом, у него появилось желание выпить. Он слонялся туда и обратно по коридору отеля Мейфлауэр, решая, стоит ли ему купить себе пару бутылок джина и стать, как он говорил, “королём на ночь”, или лучше не делать этого. Основываясь на своих убеждениях, он пришёл к выводу, что сможет преодолеть своё желание, если найдёт другого алкоголика, с которым можно поработать.

Увидев на доске в коридоре отеля имя нашего близкого друга, священника Волтера Танкса, Билл позвонил ему и спросил, знает ли он кого-нибудь из членов Оксфордской группы, к которой Билл имел отношение, и при содействии которой он обрёл трезвость. Доктор Танкс сказал, что сам таковым не является, но знает многих, и дал Биллу список из девяти или десяти человек.

Билл стал обзванивать их без особого успеха. Некоторые были в отъезде, другие собирались уезжать, или у кого-то там болел палец на ноге, ну или ещё что-то... Короче, Билл уже подошёл к концу списка, когда ему на глаза попалось имя Миссис Сиберлинг – нашей дорогой подруги Генриетты. Он позвонил Генри, объяснил что ищет, и она сказала: “Приезжайте сейчас ко мне на ланч”. Во время ланча он поведал ей свою историю в деталях, и она сказала: “У меня для Вас есть подходящий человек”.

Она бросилась к телефону, позвонила Энн и сказала ей, что у неё есть человек, который может мне помочь, и что мы должны сейчас же приехать. Энн ответила: “Я думаю, что сегодня нам лучше не приезжать”.

Но Генри была человеком настойчивым и целеустремлённым. Она сказала: “Обязательно приезжайте. Я знаю, он поможет Бобу”. Энн по-прежнему считала,

что приезжать в этот день не сто́ит. Наконец Генри так её достала, что Энн была вынуждена сказать, что я в жутко разбитом состоянии и не способен воспринимать какие-либо разговоры, так что визит придётся отложить. Тогда Генри стала объяснять, что на следующий день будет воскресенье и к тому же День Матери. И тут Энн сказала, что тогда мы приедем.

Я не помню, когда я себя чувствовал хуже, но я очень любил Генри, и к тому же Энн уже сказала, что мы приедем. И мы поехали. На пути туда, я вытащил из Энн клятву, что мы пробудем там не более 15-ти минут. Я не хотел разговаривать с этим кадром или с кем-нибудь ещё, так что “давай-ка по-быстрому” - сказал я. И вот вам факты: мы приехали туда в 5 часов, и было 11:15, когда мы уехали.

Возможно, у вас достаточно хорошая память, чтобы вспомнить те времена, когда вы чувствовали себя не лучшим образом. Вы бы не стали слушать никого, разве что этот человек мог вам сказать действительно что-то стоящее. Я понял, что у Билла *есть* это нечто, и я слушал его те долгие часы, а потом сразу бросил пить.

Вскоре после этого проводился медицинский съезд в Атлантик Сити, и во мне пробудилась жажда знаний. “Мне требуются знания”, - заявил я, – “Поэтому я поеду в Атлантик Сити и обрету массу информации”. У меня попутно появилась жажда к шотландскому виски, но об этом я не упомянул. Я поехал в Атлантик Сити и запил там “чёрную”. Когда я пришёл в себя, я обнаружил, что нахожусь дома у одного нашего друга в Куяхога-Фоллз, в пригороде Акрона. Билл приехал, забрал меня домой и дал мне один или два стаканчика виски в тот вечер и бутылку пива на следующее утро. Это было 10-го июня, 1935 года. С тех пор я не принимал алкоголь ни в одной из известных мне форм.

Замечу, что интересным здесь являются не все эти мелкие детали, а та ситуация в которой мы с Биллом находились. Мы оба были связаны с Оксфордской группой: Билл – в течение пяти месяцев Нью-Йорке, а я – два с половиной года в Акроне. К Биллу пришла идея служения. Я до этого не додумался, зато прочёл огромное количество из того, что они рекомендовали. Я освежил в памяти Священное Писание, которое тщательно изучал в молодости. Мне сказали, чтобы я регулярно ходил на их собрания, и я ходил каждую неделю. Они сказали мне, что надо посещать какой-нибудь церковь, и мы с женой ходили в церковь. Они также сказали, что я должен ввести себе в привычку молиться, и я делал это довольно часто – во всяком случае, для такого человека, как я. Но я надирался каждый вечер. Не периодически, а практически каждый божий вечер.

Я не мог понять, в чём дело. Я сделал всё, что эти добрые люди сказали мне сделать. Я честно и усердно делал всё, что мне говорили, и по-прежнему продолжал напиваться. Но одну вещь, которую они не сказали мне, и которую сказал мне Билл в то воскресенье – это пытаться помогать другим.

Мы сразу стали искать потенциальных кандидатов. И вскоре появился тот, кого многие из вас знают, как Билла Д., нашего друга из Акрона. Я знал, что Билл работал директором воскресной школы, и я полагал, что он скорей всего каждый вечер забывает больше из Библии, чем я когда-либо знал. Так кто же я такой, чтобы пытаться рассказывать ему о ней? Я чувствовал себя ханжой. Но мы всё же побеседовали и я рад сообщить, что зерно упало в плодородную почву.

Потом на нас буквально свалились три кандидата одновременно. Мне казалось, что дух служения являлся самой важной частью, но я скоро понял, что он должен

был быть поддержан нашими знаниями предмета. Я раньше ходил в госпиталь и подолгу говорил. Много раз я беседовал по пять или шесть часов с каким-нибудь парнем, лежащим в койке. Не представляю, как он выносил меня в течении всех этих часов. Мы наверно прятали его одежду. Как бы то ни было, до меня наконец дошло, что я видимо не имею особого представления о том, что говорю. Мы являемся управляющими того, что имеем, и это включает в себя наше время. Результат моего управления временем выглядел довольно плачевно, когда у меня занимало шесть часов, чтобы сказать человеку то, что я мог бы сообщить ему за один час, если бы знал, о чём говорю. Назвать меня эффективным было нельзя – это уж точно.

Вообще-то у меня в своего рода аллергия к труду. Но я чувствовал, что должен углублять свои знания Священного Писания, и что мне следует прочесть массу другой литературы, возможно научного направления. Поэтому я стал много читать. Я думаю, что не преувеличиваю, говоря, что тратил на чтение в среднем час в день последние 15 лет. (Я не ставлю себе целью убедить вас, что следует читать по часу в день. Полно людей, прекрасных членов А.А., которые читают мало).

Видите ли, в те дни мы шарили в темноте. Мы практически ничего не знали об алкоголизме. Я, врач, толком ничего не знал об этом. О, я читал об алкоголизме, но в учебниках о нём не было ничего стоящего. Обычно информация сводилась к какому-нибудь сомнительному методу лечения белой горячки, если пациент уже дошёл до этого. Если же нет, то ему прописывали что-нибудь из успокоительных и читали хорошую нотацию.

В ранние дни А.А. мы пришли к убеждению, что духовная программа была бы хороша, если бы мы помогли Господу посредством дополнительной диеты. Билл Д., у которого были частые проблемы с желудком, обнаружил, что стал чувствовать себя много лучше на диете, состоящей из кислой капусты и холодных помидоров. Мы решили, что Билл должен поделиться своим опытом. Разумеется, позже мы выяснили, что диетические ограничения не имели никакого отношения к сохранению трезвости.

На тот момент ни о каких наших историях не было и речи. Когда мы начали работать с Биллом Д., у нас не было ни Двенадцати Шагов, ни Двенадцати Традиций.

Но мы были уверены, что решение наших проблем находится в Священном Писании. Тем из нас, кто был постарше, абсолютно необходимыми оказались Нагорная Проповедь, тринадцатая глава Первого послания Коринфянам и послание Иакова.

Мы раньше встречались ежедневно дома у одного из друзей. Всё это происходило, когда все мы были абсолютно без денег, без единого гроша. Наверно тогда, будучи на мели, нам было проще быть успешными, чем если бы мы имели банковские счета. Мы были настолько нищими что... даже подумать страшно. Ничего нельзя было сделать по этому поводу. Но теперь я думаю, что это было нисполано свыше.

До 1940-го, или, может, раннего 41-го года мы проводили собрания в Акроне дома у нашего близкого друга, который снисходительно относился к тому, что мы царапали стены и дверные косяки, таская стулья вверх и вниз по лестнице. А у него был очень красивый дом. Потом мы переросли это место и арендовали зал в

Королевской школе. Группа, на которую я хожу, до сих пор проводит там собрания. Мы стараемся, чтобы наши собрания были продуктивными, и я считаю, что обычно нам это удаётся.

Но только в 1938-ом году все учения, усилия и занятия кристаллизовались в форме Двенадцати Шагов. Я не писал Двенадцать Шагов. Я ничего не сделал для их написания. Но, полагаю, что косвенно я имел к ним отношение. После моего эпизода 10-го июня, Билл приехал к нам и жил у нас около трёх месяцев. Редко выдавался вечер, в который мы не засиживались за разговорами до двух или трёх часов ночи. Мне трудно предположить, что в течении всех этих дискуссий у нас за столом, не было сказано ничего, что повлияло на написание Двенадцати Шагов. У нас уже были основные идеи, правда ещё не в сжатой и чёткой форме. Мы приобрели их, как результат изучения Священного Писания. Они *несомненно* были у нас. С тех пор мы знаем из опыта, что они очень важны для поддержания трезвости. А мы *продолжали* оставаться трезвыми – значит, эти идеи были у нас.

Вот как всё начиналось в Акроне. А мы продолжали расти, и в сообществе стали появляться новые группы: одна в Кливленде и ещё одна в Акроне. И все они продолжают функционировать по сей день. Я испытываю огромное удовлетворение, сознавая, что, может быть, я вложил и свои два цента в начало этого движения. Возможно, я многому не придаю значения. Я не знаю. Но мне кажется, что я был просто использован как посредник Божий. Я не думаю, что чем-то отличаюсь от всех вас, кроме того, что мне повезло немножко больше, нежели остальным. Мне это досталось тринадцать с половиной лет назад, а некоторым из вас пришлось подождать чуть дольше.

Я раньше слегка злился на Небесного Создателя потому, что Он не особо торопился в моём случае. Мне казалось, что я был готов обрести трезвость задолго до того, как Он наконец-то изволил дать мне её. И меня это раньше ужасно раздражало. И пусть Он знает лучше меня, но я был уверен, что был бы рад любому явлению, дающему трезвость, которую, мне казалось, я так желал. Я даже порой сомневался в своём желании. Я приходил к своей близкой подруге Генри и спрашивал: “Генри, как ты думаешь, я хочу бросить пить?”

Она же, милосердная душа, говорила мне: “Да, Боб, я уверена, что ты хочешь бросить”.

А я говорил: “Знаешь, мне на ум не приходит ни один живой человек, который бы так же сильно хотел сделать что-то, как я хочу бросить, и для которого это заканчивалось бы таким же фиаско. Генри, у меня складывается впечатление, что я один из *хочу-не-хочу* ребят”.

И она отвечала: “Нет, Боб, я думаю, что ты хочешь. Но ты просто пока ещё не нашёл как”.

Тот факт, что я трезв на протяжении тринадцати с половиной лет, однако же, не позволяет мне думать, что я дальше от моей следующей рюмки, чем любой из вас. Я по-прежнему человек, и по-прежнему порой думаю, что двойной виски пришёлся бы мне очень даже по вкусу. Если бы результаты не были столь пагубными, я бы вполне возможно и попробовал. Не знаю. У меня нет никаких причин полагать, что на вкус виски теперь другой – но у меня также нет никаких причин надеяться на то, что результаты окажутся иными. Они всегда были одинаковыми. И я всегда оказывался в краховом положении. Я просто не хочу больше оплачивать этот счёт

потому, что это слишком дорого стóбит. Это всегда было слишком дорого, и в связи со всем произошедшим за последние 13 лет, я думаю, что сегодня это будет ещё дороже. За отсутствием практики, я уверен, что долго не продержусь. Мне слишком хорошо, чтобы сбивать себя с этого пути даже посредством алкогольных “удовольствий”. Нет, я не сделаю этого. И я никогда не сделаю этого, пока я буду делать то, что я должен. А я знаю, что я должен делать. Так что если я когда-нибудь напьюсь, то мне, кроме себя самого, винить в этом будет некого. Возможно, это не будет сделано из преднамеренного умысла, но это однозначно будет результатом крайнего легкомыслия и полного равнодушия.

Я уже сказал, что я всего лишь человек, и периодически начинаю думать, что этот парень Боб умный малый. У него ситуация с пьянкой схвачена как надо – доказал и продемонстрировал – не пьёт уже 13 лет. Может даже выпить парочку, и всё равно никого умнее не сыскать. Поверьте, я не шучу. Такие мысли действительно приходят мне в голову. И когда они приходят, я точно знаю, что произошло.

Видите ли, в Акроне нам крупно повезло с устройством госпиталя Святого Томаса. Отделение теоретически помещает семь алкоголиков, но добрая Сестра Игнатия умудряется раздвинуть его немножко. У неё обычно засунуты двое или больше где-нибудь ещё. Так что, как только идея, что я могу “опрокинуть парочку” приходит мне на ум, я начинаю думать: “О-о... Как насчёт ребят в отделении? Ты не уделял им внимания последние несколько дней. Пора тебе, парниша, вернуться к делу, пока ты не влез в неприятности”. И я топаю к ним, и я куда более заботлив, чем я был до прихода сомнительной идеи. Но такая мысль посещает меня изредка, и наверно будет посещать, как только я буду становиться невнимателен к ребятам в отделении.

Каждый раз, что я пренебрегал ими, я думал о Бобе больше, чем я думал об отделении. Я не был особо любящим. Эти ребята пришли туда с просьбой о помощи, а я был слишком занят, чтобы уделить им своё время, словно они были попрошайками на улице. Не хочешь возиться с приятелем? Дай ему монетку – это же так просто! Можешь дать ему две – не потому, что ты его любишь, а для того, чтобы избавиться от неудобства его цепляния за твой рукав. Ни бескорыстия, ни любви не проявлено в такой сделке.

Я считаю, что единственное служение, которое чего-то стоит – это когда мы вкадываем самих себя. А такое неизбежно требует нашего времени и усилий. Речь не о деньгах, которые мы тихонько кладём в корзину. Это нужно, но это ничто для обычного человека в наши дни, когда у большинства дела идут вполне прилично. Я не верю в то, что такая отдача может помочь кому-то остаться трезвым. А вот отдавать наши старания, силы и время – это уже другое дело. И я думаю, это именно то, что Билл понял в Нью-Йорке, а я не понимал в Акроне, пока не встретил его.

Четыре абсолютных, как мы их называем, были единственным аршином, который был у нас в начале, до появления Шагов. Я считаю, что абсолютные по-прежнему котируются и могут быть большим подспорьем. Иногда я нахожу себя в ситуации, где мне хотелось бы поступить правильно, но ответ на то, как это сделать, не очевиден. Почти всегда, если я тщательно измерю своё решение аршином абсолютной честности, абсолютного бескорыстия, абсолютной

праведности и абсолютной любви, и это решение выглядит достойно по всем четырём, то мой ответ где-то рядом. Если же я, сделав это, всё ещё не удовлетворён ответом, то я обычно консультируюсь с кем-то из друзей, чьё мнение, в подобного рода вещах, много лучше моего. Но обычно абсолютные помогут вам найти решение без того, чтобы беспокоить своих друзей.

Представим себе, что у нас проблемы с Первым Шагом; мы не можем с достаточной честностью признать, что Джон Ячменное Зерно действительно победил нас. Здесь очевиден недостаток абсолютной праведности – чистоты идей, чистоты побуждений. Абсолютное бескорыстие включает в себя то служение, о котором я говорил – не монетку или две для бродяги, а самоотдачу.

Как вы и сами прекрасно знаете, абсолютная любовь объединяет в себе всё. Это очень трудно иметь абсолютную любовь. Я не думаю, что кому-нибудь из нас удастся обрести её, но это не значит, что мы не можем *пытаться*. Для меня было очень тяжело любить своего собратъев. Я не испытывал к ним неприязни, но я и не любил их. Разве что у меня была определённая причина для заботы о ком-то, я был к ним равнодушен. Я был готов дать им что-нибудь, но только *если* от меня не требовалось особых усилий. Я никогда не причинял человеку вреда. Но любить его? Долгое время я просто не был на это способен.

Думаю, что мне удалось в некоторой степени справиться с этой проблемой, когда я был вынужден сделать это потому, что либо я любил этого парня и старался помочь ему, либо я скорей всего бы снова напился. Конечно, вы можете сказать, что это было проявлением себялюбия, и вы будете абсолютно правы. Я был эгоистичен до уровня нежелания причинить Бобу боль. И чтобы не сделать Бобу больно, я чисто автоматически пытался помочь другим людям. Можете дебатировать по этому поводу сколько угодно, но очевиден факт, что обычный человек никогда не сможет обрести абсолютную любовь. Я подозреваю, что такое мало кому даётся. Думаю, что я знаком с несколькими людьми, которые сумели приблизиться к этому. Но я могу пересчитать их на пальцах одной руки. Я не говорю это с пренебрежением; у меня прекрасные друзья. Я веду речь об итоговом выражении абсолютной любви, и особенно о том, как это относится к А.А.

Я не думаю, что мы способны хорошо делать что-либо до тех пор, пока мы не поупражнялись в этом. И я не верю в то, что мы можем работать хорошую программу А.А., если у нас нет практики. Люди, которые получают высокие награды на спортивных соревнованиях, это те, кто тренируются, тренировались годами и продолжают тренироваться. Чтобы работать хорошую программу А.А., есть несколько вещей, в которых мы должны практиковаться. Как я уже говорил, мы должны практиковать дух служения. Мы должны пытаться обрести веру, что не так уж и просто, особенно для человека, который, следуя сегодняшним общественным нормам, во всех обстоятельствах был закоренелым материалистом. Но я считаю, что веру можно обрести. Это занимает время. Веру требуется культивировать. Мне это далось не легко, и я полагаю, что это трудно и для всех остальных.

Ещё у меня были трудности (и я по-прежнему не особо хорош в этом) с терпимостью. Все мы склонны к зашоренности, к плотной зашоренности. Это одна из причин того, что некоторые люди находят нашу духовную доктрину затруднительной. Они не хотят слишком много узнать о ней по разного рода

личным причинам, как, например, страх того, что их сочтут слабыми. Но для нас очень важно выработать толерантность к идеям других людей. Я думаю, что сегодня у меня больше терпимости, чем было когда-то, хотя по-прежнему не достаточно. Если кто-то противоречит мне, я склонен язвительно высказаться. К моему величайшему сожалению, я много раз поступал таким образом. И потом, позже, я узнавал, что человек был осведомлён о предмете нашего спора гораздо лучше меня. Я мог бы оказаться в куда более благоприятном положении, если бы держал свой болтливый рот на замке.

Ещё одна вещь, которой большинство из нас не особо одарены – это чувство скромности. Я не имею в виду напускную скромность дикенсовского Юрай Хипа. Я не имею в виду вариант коврика для вытирания ног. Мы не призваны, чтобы нас толкали кто угодно, или, чтобы по нам ходили, кому вздумается. Мы имеем право отстаивать свои права. Говоря о скромности, я имею в виду отношение каждого из нас к нашему Небесному Отцу. Христос сказал: "Я ничего не могу творить Сам от Себя - ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца". Если Он вынужден был это сказать, то как насчёт меня и вас? Вы сказали это? Я сказал это? Нет. Это именно то, чего мы не сказали. Вместо этого мы предпочли сказать: "Гляньте-ка на меня, ребята! Здорово, правда, а?" У нас не было скромности или чувства, что мы получили что-то по милости Небесного Отца.

Я не имею никакого права на самодовольство, потому что я протрезвел. Только по милости Божьей мне удалось сделать это. Может быть я и приложил для этого какие-то усилия, но в основном, это произошло только благодаря Его доброте. Если моя сила приходит от Него, то кто я такой, чтобы гордиться этим? Я обязан относиться с глубочайшей скромностью к источнику моей силы. Я должен неустанно быть признательным за всё хорошее, что я получаю. И ведь мне блага были даны в огромном количестве.

Знаете, с точки зрения всеобщего основного стремления, нет никакой разницы, пьём мы, или остаёмся трезвыми. В любом случае, все мы стремимся к одному и тому же - к счастью. Мы хотим покоя. Проблема с нами, алкоголиками, заключается в том, что мы требуем, чтобы мир дал нам счастье и покой именно в том виде, в котором мы хотим их получить – посредством алкоголя. И нам это не удаётся. Но если мы тратим время на то, чтобы ознакомиться с некоторыми духовными правилами, освоить их, и начинаем их практиковать, то мы получаем и счастье, и покой. Я считаю, что мне крупно повезло; и я благодарен нашему Небесному Отцу за возможность наслаждаться ими. Их может получить любой, кто пожелает. Есть определённые правила, которым мы должны следовать, но счастье и покой всегда здесь, доступны всем. И эту весть мы можем нести нашим собратям алкоголикам.

Мы знаем, что А.А. сделало за последние 13 лет, но куда мы двинемся отсюда? Я полагаю, что по скромным подсчётам в данный момент количество членов нашего сообщества составляет приблизительно 70,000 человек. Будет ли оно возражать? Ну это будет зависеть от каждого члена А.А. У нас есть возможность выбирать, будем мы расти или нет. Если мы будем ссориться, не ввязываясь в союзничества, если мы избежим быть вовлечёнными в путаницу спорных вопросов (религиозных, политических или беспредметных), если мы сохраним сплочённость в наших центральных офисах, если мы уберём простоту нашей программы, если мы

будем помнить, что нашим делом является протрезветь, оставаться трезвыми и помогать нашим менее удачливым братьям и сёстрам достичь того же, тогда мы будем продолжать расти, преуспевать и процветать.